

Я встретил ее на трамвайной остановке.

Она ничуть не изменилась. Длинные, прямые, иссиня-черные волосы сплошным потоком обрамляли лицо и шею, меняя русло, распались у ее плеч. Насмешливая, чуть надменная улыбка, резко очерченные карандашом плавные изгибы бровей, ресницы небрежно прикрывали лукавые лисьи глаза.

Вчера у нее должен был быть день рождения, но она погибла год назад таким же летним, солнечным днем. Ее автомобиль разворотило противотанковой миной на окраине прифронтового города. Ей оторвало обе ноги, а после случившегося она умирала еще девять страшных часов.

Я осознал смерть непростительно рано, мне было всего лишь пять лет.

Нет, не увидел, не встретил, а именно осознал. До этого были сбитые зверушки, мертвые птички, «плюнь три раза, не моя зараза...» и еловые ветки, на которые нельзя наступать. Но тот день я помню до сих пор.

Лето, мои друзья-дошколята все на своих волшебных, загадочных дачах, а я, как всегда, остался один в скучном, «нискемнепоиграющем» городе. «Нискемнепоиграющий» – изобрел я тогда такое слово. Оно достаточно конкретно описывало настроение ребенка, у родителей которого дачи не нашлось, и вынужденного, в связи с этим, влачить одинокое существование в «нискемнепоиграющем» дворе.

Я много позже думал над тем, не стало ли отсутствие дачи переломом в моем детском сознании. Я до сих пор люблю одиночество и терпеть не могу любую коллективную деятельность. Возможно, именно тогда я к этому привык.

Возиться в песке одному – жалкое занятие, даже новым грузовиком похвастаться некому. Партизанить в кустах сирени, пуляя из двустволки в воображаемых врагов, тем более глупо. И некому показать припрятанный в подъезде коробок спичек.

Рассуждая подобным образом и размахивая в такт своим жалобам найденной где-то палкой, я оказался возле ржавых, гнилых гаражей, находившихся неподалеку от нашего дома.

В гаражах проходила теплотрасса, которая вечно ломалась, оттого там всегда рыли траншеи, стояла грязная желтая техника и высились неприветливые, с терпким запахом, горы потревоженной бурой земли.

Земля, вынутая ковшами, не желала греться на солнце, хмуро и холодно лежала она среди зеленой травы, угрюмая, чужая.

Позже я заметил, что котлованы заброшенных строек очень неохотно обрастают травой. Лишь редкие куцые сорняки цепляются за их

склоны. В остальном такое место может годами, а то и десятилетиями оставаться мрачной, безжизненной ямой.

Земля не любит, когда копошатся в ее чреве, копошиться безнаказанно разрешено там только червям. Она способна давать жизнь, но главной ее функцией всегда было хранить смерть и смерть переваривать, а то, что под ней, остается под ней.

Темный комок глины скатился с горы к моим ногам, испачкав синюю сандалию бурой влажной кляксой. Я посмотрел вверх и встретился с ним глазами. Точнее, не глазами, а взглядом, глаз у него не было. Из-под толщи земли смотрела на меня безглазая кошачья морда.

Он был таким же вырванным из глубины комком глины, этот кот, ничем от других комков не отличался. Даже шерсть того же бурого цвета.

Кот странным образом не сгнил и напоминал набитую землей, очень грязную куклу. Морда его выражала глупое удивление, с которым он тарасил на меня свои пустые глазницы. Земля, случайно попавшая под равнодушный ковш, снова обрела на поверхности форму.

Кот смотрел на меня пустыми черными дырами, а я медленно и страшно понимал, что все мы: зверушки и птички, жучки-паучки, мама, папа и я, и даже еловые ветки – всего лишь безмолвные комья глины, пока нас не вытащили на свет.

Прекрасное далёко, но даже не глубоко...

Мы тонны бесполезного грунта под равнодушным ковшом экскаватора.

Потом было много смертей, и, стоя у могильной ямы, я дивился тому, насколько справедлива вторая часть фразы: «Прах к праху, земля к земле».

Нет никакого праха, к которому другой прах, есть земля, просто земля. Зимой она клацает в могиле, точно зубами, принимая в себя мерзлые комки себя же самой. Летом хрумкает, хрум-хрум. Хлюпает и чавкает весной и осенью. Ей вообще все равно, кто ты там был, ты просто недолговечный перегой внутри ее тела.

Впрочем, своего кота я не забыл. Волей случая выброшенный на поверхность, он все-таки обрел форму.

Потому я был несколько разочарован, когда свалился в могилу и разбил лбом череп своему первому мертвецу.

У меня было много друзей и знакомых, которые работали могильщиками, и они, как правило, кичились тем, что копают могилы. Я тоже копал могилы и выкопал их гораздо больше. Но я копал могилы в обратную сторону и не кичился этим. А ведь моя работа была гораздо занимательней. Всегда интересно узнать, кого ты встретишь в следующий раз там, под землей.

– Дядя Юра, почему у него зубы такие белые? Прямо голливудская улыбка, – спросил я у начальника, собирая в ладонь выбитые мной зубы мертвеца.

– Это грунты как-то на них влияют, я точно не помню.

– Хмм... – пробормотал я задумчиво и облизал языком свои потемневшие от кофе и множества сигарет зубы, – земли, что ли, пожевать?

Череп несчастного сместился после моего неуклюжего на него падения, окончательно отделился от позвоночника и развалился на несколько частей. Набитая землей черепная коробка была пронизана тончайшими нитями корневой системы какого-то растения, отчего

складывалось впечатление, что после смерти волосы мертвеца принялись расти внутрь его головы.

«Как только беднягу вытащили на свет, он обрел форму, но отнюдь не содержание», – думал я, ковыряя ножом в голове своего подопечного.

После фотографирования я собирал хрупкие кости в черный непрозрачный пластиковый пакет, из земли оставались торчать только части ног мертвеца, когда услышал над собой голос одной из воспитательниц детского сада.

– Здравствуйте, вы здесь динозавра ищите? – игриво спрашивала девушка, заглядывая в мою траншею.

Надо сказать, что наши работы проходили на территории детского садика, совсем неподалеку, взвизгивая, резвились пестрые дети, а из-под земли молча следили за ними безголосые костяки. Это настраивало на философский лад.

– У вас здесь кладбище вообще-то было, – я устало выпрямился. Шутка про динозавра была самой банальной, что мне приходилось слышать. Самой оригинальной была шутка про трюфели. – Вот видите, ноги торчат? – указал я на недобранные мной кости.

– Да какие это ноги? Это корни деревьев, – недоверчиво хохотнула девица.

Мне все это порядком надоело, я нагнулся, поднял большеберцовую кость своего ископаемого первенца и молча протянул воспитательнице.

Та было потянулась к ней рукой, но внезапно охнула, отдернула руку и попятилась.

Стоя по грудь в черной, вскрывшей газон яме, я мстительно ухмылялся, наблюдая, как девица, поминутно оглядываясь, торопит в корпус садика своих разноцветных утят.

Кстати, если вы думаете, что мертвые послушно населяют только кладбища, что лежат там чинно рядками, аки школьники-отличники за партами, сложив руки на груди, то вы глубоко ошибаетесь. Они могут быть везде, где только пожелают. Везде, где есть земля. В сущности, они и есть земля. Миллионы рук, ног, целых и раздробленных костей переплелись друг с другом в вечной темноте и молчании. Мертвецы – настоящие хозяева нашего мира, соль земли, ха-ха, а мы только вахтовики у них на побегушках.

А сейчас встаньте и посмотрите себе под ноги. Там, под осенними листьями, брусчаткой или под полом вашего дома, мертвые улыбаются вам своими белоснежными улыбками и слушают ваши шаги.

Да, глупый образ мертвеца с гнилыми зубами не имеет ничего общего с реальностью. Скорее всего, зубы – это последнее, что от вас останется, сами же вы сгниете раньше, чем они. Когда я раскапывал детские могилы, то под крышкой гроба находил лишь несколько пуговиц да щепотку детских зубов.

Детские могилки – штука крайне удобная, от детей мало что остается. Отбил тахеометром пуговицы, сфотографировал пару косточек, получил деньги и копай себе дальше в свое удовольствие.

Помню, однажды мы поднимали целое кладбище, тысячи жмурав. Жмур – профессиональный сленг, так называют мертвяков.

Проект был чисто коммерческим, и платили нам не за часы нашей неблагодарной работы, а, чтобы мы не заскучали, платили за каждого конкретного, вынутаго из-под земли жмура. То же самое, что картошку

копать, например, в колхозном поле, сколько килограммов накопишь, столько и заработаешь.

Естественно, что ни о каком уважении к мертвым, которого и так ни у кого из нас давно не возникало, не могло быть и речи. Словно шакалы, мы растаскивали жмуrow в разные стороны, как стервятники, цапались друг с другом за костяки. Начинаясь великая погоня за мертвецами.

Я бросил лопату и остальной, напоминающий хирургический, инструмент у очередного пятна. На гладко вычищенной стальным ковшом бульдозера ржавой глине хорошо читались продолговатые пятна могил, над некоторыми из них уже копошились мои коллеги.

Стараясь не отставать, я несколько раз аккуратно вогнал длинное лезвие ножа в темную землю у западного края вытянутого пятна, и вскоре лезвие уткнулось в нечто твердое, пока невидимое. Плотная глина отходила легко, большими комками, и вот уже на свет проклюнулся похожий на шляпку гриба покаты́й лоб черепной коробки извлекаемого мертвяка.

«Добро пожаловать обратно в мир, – промурлыкал я про себя, здороваясь с мертвым. – Раньше ты был безмянным, никому не нужным тленом, теперь тебе дадут номер. Стоп! Номер у тебя уже есть. Ты – тысяча четыреста двадцать второй, – поразмыслив, добавил я, – так и буду тебя называть».

Действо, я заметил, правда чем-то напоминало второе рождение. Больные, противоестественные роды земли, где покойник – новорожденный, а я дотошный и внимательный акушер. У меня в наборе даже скальпель имелся.

Тем временем на поверхность выглянуло лицо, лицевые кости, точнее. Сжатые челюсти, залепленные глиной глазницы. Судя по отсутствию надбровных дуг и некоторым другим незначительным признакам, моим жмуrow оказалась женщина.

«Тысяча четыреста двадцать вторая, значит. Привет, женщина!»

Надо было торопиться, обычно к обеду я поднимал на свет божий двоих-троих взрослых жмуrow, а пока на моем счету был только один подросток.

«Где же было у тебя это ребро, Тысяча четыреста двадцать вторая? – злился я оттого, что второпях развалил женщине грудную клетку. – К черту, не было у тебя ребра, ладно? Только тссс...» – я огляделся по сторонам и незаметно выбросил ребро в отвал, бесформенную кучу отработанной земли.

Оставалось разобраться с фалангами. При более детальном осмотре, конечно, можно было понять, где и какая фаланга и от какого именно она пальца, но при таком темпе работы всем было наплевать. Случались и курьезы, нередко пальцы рук и ног у мертвецов запросто менялись местами. Я же насыпал фаланги более-менее художественной кучкой в ногах покойницы и с чувством выполненного долга, наконец, сдал жмура.

Дальше, в уставном порядке, мне необходимо было почистить дно гроба под фотографию, чтобы в мой табель внесли еще один готовый костяк. Но в гробу оставалось еще достаточно земли, и я, напевая песенку «Бесполезное ископаемое» Саши Скула, взялся за лопату.

– Какого дьявола? – вдруг невольно выругался я. Под штыком, у изголовья гроба, внезапно что-то захрустело. Я нервно ковырнул землю, и из нее посыпались раздробленные, мелкие, будто птичьи, косточки. Определенно, в гробу у изголовья лежал младенец. Стальной штык фискаря разрубил вдоль его скелетик, перемолов большинство костей.

– Твою мать! Откуда ты тут взялся? – процедил я сквозь зубы, склоняясь над трупиком, и тут же вспомнил Тысяча четыреста двадцать вторую. – Что если ребенок ее и их похоронили вместе?

Такое погребение встречалось мне впервые, практиковалось ли подобное раньше, я понятия не имел. Младенец был необычным, и, хотя я почти полностью разворотил его скелет лопатой, недоношенность костей бросалась в глаза.

Он был далеко не первым новорожденным, которого я второй раз вытаскивал в мир людей. Но этот экспонат отличался от своих сверстников размерами. Он был совсем крошечным, немногим больше моей ладони.

«Может, он и не рождался вовсе? – пронеслась в голове смутная догадка. – В конце концов, кладбище было прибольничным, всякое могло происходить. Женщина умерла при родах, а какие-нибудь могильщики-гуманисты решили не разлучать мать и ребенка».

Но делиться своей находкой я не спешил. Хватало того, что я лопатой уничтожил костяк, разрушил необычное захоронение, за что по голове не поглядят, а вместо этого непременно принудят до конца смены, вооружившись кисточкой, сдувать пылинки с жалкой горки исковерканных костей. И денег за сегодня мне при таком раскладе не заработать.

Я снова огляделся. Начальник и листовик о чем-то увлеченно спорили вдальеке. Короткий взмах лопаты, и косточки младенца вместе с комками глины полетели в отвал, вслед за ребром его матери.

«Прости меня, Тысяча четыреста двадцать вторая. Твой ребенок не родился дважды, не будет у него номера».

* * *

– Ксюша, – представилась она чужим именем, а лисьи глаза ее открыто смеялись надо мной. Я, наконец обретя дар речи, боком, но все же решился к ней подойти и теперь не знал, как себя вести, осознавая всю жуткую суть происходящего. Передо мной стоял уже мертвый человек, а мне необходимо было начинать с ним беседу.

Я запомнил ее именно такой в нашу последнюю встречу. Всегда солнечная, она смеялась тогда особенно беззаботно. Никто не отговаривал ее от поездки, неблагодарное это занятие не пришло никому на ум. Если уж она что-то решила, то так тому и произойти. А освоить профессию военного корреспондента было делом, которое стояло первым пунктиком в списке ее желаний. Уезжая в зону вооруженного конфликта, она ставила жирную галочку напротив этого пункта, не догадываясь, что живой уже не вернется.

Тем не менее она была здесь. Стояла на остановке, естественная, осязаемая, живая, среди взмокших от жары людей.

Приходят ли они ко мне? Стоят ли молча вокруг кровати, смотрят ли укоризненно провалами глазниц, наполняет ли мой дом по ночам тяжелый запах земли?

Нет, такого со мной не случалось. Впрочем, однажды мне приснился сон, в котором свежевыкопанные мной мертвецы выбирались из своих могил и неуклюже ковыляли прочь к тусклому размытому горизонту. Мне было обидно оттого, что бессовестные мертвяки забывали отмечаться в табеле, а значит, вместе с ними ковыляла к горизонту и моя долгожданная зарплата.

А вот запах земли, запах вскрытого грунта... его, пожалуй, сложно не замечать, и отмыться от него бывает нелегко. Вначале я вовсе его не слышал, не обращал внимания, как он вползает тихонько в складки моей одежды, забивается грязью под ногти, липнет клейко на кончики пальцев, поднимаясь все выше, начинает скрипеть на зубах. И стелется по пятам холодным туманом потревоженных могил.

Я притащил его в дом и, ложась в кровать, косился на свою подругу, ожидая ее реакции. Но она ничего не чувствовала, а мне казалось, что я насквозь пропитался этим тяжелым смрадом.

Жмуры, к слову, пахнут точно так же. Вековым перегноем растений, насекомых и самих же себя. Отрешенный запах вечного забвения, аромат куска глины, трупной вони здесь давно нет. Трупный душок бывает у новичков, а они нас не интересуют, это не наша работа.

Но случалось всякое. В том году, незадолго до заморозков, мы наткнулись на необычное захоронение. Точнее, захоронением это место назвать было сложно, скорее всего, ее просто там второпях прикопали. При зачистке слоя на рыхлой поверхности чернозема внезапно проявился белесый человеческий силуэт.

Природный эксперт заботливо отфиксировал контур жмура липкой белой плесенью, а другие останки той женщины давно переварила земля. Мы, морщась от страшной вони и стараясь не испортить очертания мертвеца, битый час очищали совками ее склизкий силуэт. То, что это женщина, стало понятно по ее туфлям. Они хорошо сохранились, кожаные, похожие на босоножки.

Нежданчики случаются постоянно и в самых разных местах. Словно сам мертвец лезет наверх из-под лопаты, стремится на волю и просит безмолвно: «Найдите меня!»

В подвале гостиницы в центре города мы откопали расчлененку. Опять женщина, у которой не было головы, рук и правой ноги. Начальник тогда пошутил: «Это классика, пацаны, расчлененная шлюха в подвале гостиницы. Достойно фильмов Тарантино». Теперь на том самом месте стоит шикарный отель, возле него останавливаются дорогие автомобили, из высоких дверей выходят солидные мужчины и длинноногие девушки. Интересно, когда подвалы отеля наполнятся частями их тел?

– Мама, папа, я – счастливая семья, – весело подмигнул мне пробежавший мимо начальник.

В песчаном грунте у моих ног лежали трое. Женщина, мужчина, посередине ребенок. Чинно так лежали, разве что за руки не держались. Следов насильственной смерти видно не было, зажмурились они, скорее всего, от какой-то болезни. Но точно не от холеры, холерные лежали поодаль от остальных, и их могилы были густо засыпаны толстым слоем извести.

Интересное место работы досталось нам в тот раз, одни захоронения ампутированных конечностей чего стоили. Представляло собой такое захоронение яму кубической формы два на два метра, в которую когда-то сбрасывали вперемешку ампутированные руки и ноги.

«Все смешалось, люди, кони... и уши», – добавлял я про себя. Мягкие ткани тоже должны были попадать в такие ямы, но они, конечно, давно разложились. Мысль про отрезанные уши меня развеселила, и я, улыбаясь, ковырнул совком череп ребенка. Я решил достать его первым.

Встречались здесь и мертвецы с трепанацией. Верхняя часть головы у бедолаг была спилена, спилена ровно, аккуратно, будто крышку с котелка сняли. Глядя на них, так и подмывало наделать из их голов пепельниц.

Еще одной забавой стали для нас подзахоронения. Таким способом хоронили родственников или супругов. Со временем гробы сгнивали, истлевали доски, и покойники падали друг другу в объятия, сплетаясь в самых причудливых позах.

Особым шиком считалось очистить от земли сразу двоих, не потревожив сцену их бесконечного совокупления. Ну а позиции, в которых их находили, не пришли бы на ум самому развращенному любителю Камасутры.

Если же из-под «влюбленных» выглядывал третий мертвец, мы объявляли могилу группухой, а захоронение вызывало у нас неподдельный интерес. Мы обсуждали его с особым цинизмом, сопровождая разговор похабными шутками.

Случался и настоящий «свальный грех» – ямы, где хоронили бедняков. Эти ямы отличались от братских могил, жмуры не лежали в них рядками. В глубокую бесформенную яму скидывали всех без разбору, мужчин, женщин, детей. А земля потом веками превращала их в единую костлявую массу.

– Была у меня одна жаба, любила она, чтоб я ее так же... – начал было один из парней, когда мы склонились над очередной «влюбленной парочкой».

– Хорош заливать, ты бы себе все кости переломал, – возразил ему кто-то.

– Он тоже переломал, – парень, с уместным здесь прозвищем Гроб, ткнул лопатой в осколки костей ног лежащего сверху мертвеца.

– Опять интимную жизнь мертвяков обсуждаете? – буркнул, подойдя сзади, начальник. – Не стыдно вам?

– У мертвяков вся жизнь интимная, – протянул задумчиво Гроб.

Вечером делали шашлыки. Костер развели прямо здесь, среди недобранных могил, и мертвецы заворочались вокруг в беспокойном любопытстве, втянули мертвыми носами горячий запах шкворчащего мяса, сиюсья подняться, казалось, потянулись к людям из игравшей искрами темноты.

На месте этого кладбища вскоре должны были вырасти две элитные высотки, а в советское время здесь стоял завод по производству каких-то медных изделий, и мы повсюду в земле находили мотки проволоки, обломки деталей или просто увесистые медные чушки. Со временем у нас скопился внушительная куча бесхозного медного лома, который мы сдали, а на вырученные деньги устроили себе сабантуй.

«Элитные высотки, – хмыкнул я про себя, – где самый элитный этаж – «–1». Всех достать мы все равно не успеем».

Одно время базой нам служил подвал обычного жилого дома. Мы разбирали погост неподалеку, и, поскольку антропологи из-за бумажной волокиты в своем офисе медлили забирать у нас наш «мертвый груз», мы принялись таскать свои «находки» прямо в этот подвал. Вскоре мы завалили его костями полностью, оставались лишь узкие тропинки между гор черных клацающих мешков. Жильцы дома и не догадывались, что прямо у них под полом дожидаются своей очереди отправиться в путь сотни мертвецов.

Так продолжалось до тех пор, пока начальник окончательно не озверел. Тогда он сгреб одного из жмурав, задохнул несчастного в картонную коробку, утащил на почту и отправил того самой обыкновенной посылкой прямо антропологам в офис. Вопрос был быстро решен.

Мы все жильцы такого же глобального дома. Ходим по комнатам, едим, спим, трахаемся, любим и ненавидим друг друга, а под нами в темноте клацают зубами и смеются бесчисленные мертвецы. Им смешно, ведь мы умрем, а жмуравы будут жить вечно. Дома и заводы рассыплются в пыль, медь окислится и, позеленеет, растворится, как сахар в воде, сталь превратится в ржавую грязь, огонь потухнет. Жмур же никуда не денется, и даже если истлеет, то он, жмур, все равно где-то там. Ждет новичков к себе в гости, и звучит под ногами у нас неслышимый многоголосый их смех.

– Копали мы, значит, скифский курган на югах, – рассказывал, немного захмелев, парень, тот, который днем собирался поделиться своими любовными приключениями, – богатый курган, монеты, бирюльки всякие. Нашли хозяина, а у того реально кайло в заднице.

– Че, прям кайло?

– Ну, не знаю. Похоже просто. Тазовая кость проломлена, а из дыры железа торчит.

– Видать, крепко кому-то насолил, – Гроб прикурил от огня сигарету. – Ты, Татарин, тоже осторожнее по бабам бегай, вобьет тебе кто-нибудь железку в жопу.

– Я русский! – взвился парень, гневно сверкнув черными, слегка раскосыми глазами.

– Ну, нам-то не гони, – ответил, ухмыльнувшись, Гроб фразой из известного фильма и выпустил дым.

Из темноты наблюдали за нами недобренные жмуравы. Им тоже хотелось к огню, в земле было холодно и уютно.

* * *

Мне не было страшно, я привык к мертвецам, но позже я никак не мог вспомнить, о чем говорил с ней, пока мы ехали в трамвае. Память заволокло странным прозрачным дымом. Теплым и почти домашним.

То, что это была она, я несколько не сомневался. Но настойчивым совком ковырялась в грунте мозга единственно верная мысль – такого не бывает.

Земля неохотно, но все же отпускает своих мертвых наверх, а они, обретя форму, лежат потом на поверхности бесполезным хламом. Мертворожденный землей никогда не оживет. В набитом глиной черепе сознание глины, а вовсе не его. Выкопанный кот никогда не станет тереться мордой о ногу мальчика. Убитые девочки не возвращаются.

Машу тоже убили. В тот день на трамвае я как раз возвращался именно от нее.

Я откопал ее в разрушенной церкви, молодую девушку с пробитой тупым предметом головой.

Имя я придумал ей сам. Обычно я не давал жмурам имена, но Маша мне чем-то понравилась, вдобавок я работал на часах, а значит, мог возиться с ней сколько угодно. Маша и Маша, пусть будет Маша.

Копаясь в костях, я старался угадать ее внешность, подолгу разглядывая небольшой аккуратный череп или осторожно доставая мастихином землю из Машиных глазниц.

Я мог лишь примерно определить, что это была молодая, стройная девушка небольшого роста, так как неплохо знал анатомию, остальное я додумывал на ходу. Получалась эдакая тургеневская Ася, непременно с огромными карими глазами и легкомысленным локоном светлых волос, выбившимся из-под шляпки.

Почему-то хотелось, чтобы Маша была дворянских кровей и стала жертвой страстей любовных. Например, суровый отец в гневе случайно проломил ей череп набалдашником тяжелой трости за то, что она отказалась идти за престарелого князя. Или же муж-ревнивец, заподозрив в романе с красавцем-офицером, наградил ударом по голове обухом топора.

Но романтической истории не выходило, скрестив руки на груди, Маша лежала в простенькой колоде, гробу, выдолбленном из цельного куска дерева, и никаких украшений при себе не имела.

Еще у Маши отсутствовали ноги и часть таза. Она потеряла их много позже своей смерти, что было совсем неудивительно: вокруг Маши переплелись множество коммуникаций, старых и свежих труб, высоковольтных и даже интернет-кабелей. Трактор мог зацепить ее ковшом, или же просто неряхи-рабочие повредили Машу лопатами.

Станным было то, что колода ее была невредима, только на дне горсткой лежали маленькие осколки Машиных ног. Словно то, что случилось с ней, случилось внутри ее гроба. Что произошло с тобой, Маша?

Я провозился с нею два дня, слушая музыку, не обращая внимания на окружающий мир. Чистил косточки, любовно смахивал кисточкой крупницы земли с ее рук.

На третий день Машу сфотографировали и увезли, осиротевшая колода осталась торчать из земли.

Тут же выяснилось, что колода никому не нужна. Парни, выковыряв ее, полдня таскали за собой, примерялись, хохоча, фотографировались, укладываясь внутрь, а после приспособили под мусорку.

Мне было грустно, и в глумлении над Машиной колодой я участия не принимал, рано собрался и поехал домой. А на остановке встретил ее. Свою убитую на войне подругу.

* * *

Горячий трамвай громыхал, качался и переваливался на своем вечном кольцевом маршруте по асфальтовым руслам улиц, по стальным рубцам рельсов. Пассажиры висели на поручнях, уже не стыдясь мокрых пятен подмышками, тяготились только своей разогретой плотью, обременительной и лишней в жарком мареве июля. Вздрагивали глубоко под рельсами, шевелили костями безучастные мертвецы. И вожде-ленная прохладная река сверкала вдалеке за окном.

Я смотрел на нее во все глаза, что-то рассказывал, а сам пытался угадать, на кой черт я ей сдался, почему именно я? Мы не были особо близки, были скорее приятелями, нежели друзьями. А теперь трясемся в железной коробке по ржавым рельсам меж двух миров.

Не пытайтесь найти свое местоположение на горизонтальном отрезке между точками А и Б, там вы себя не найдете. Система координат строится иначе. Есть другой отрезок, который устремляется вниз. Совместив условные точки на обоих отрезках, вы сможете понять, насколько вы глубоко.

Ничего больше не будет. Даже, казалось бы, ваше последнее деревянное приобретение вскоре у вас отберут. Хозяин вторгнется в него, как в арендованную квартиру, переломав доски многотонными беззубыми челюстями. Крест, или что вы там себе напридумывали, упадет, могильный холмик схлопнется. Всё. Fade to black.

Земля – мать? А вода как же? Сколько там в нас ее процентов? А сколько процентов земли? Из воды мы вышли, а в землю уйдем, потому что только она жрет мертвечину, отнимая ее у всех остальных стихий.

Возможно, по каким-то причинам земля отрыгнет вас, не до конца переваренных, из себя на поверхность. Несварение, такое у нее бывает. Но обнадеживать себя этим не стоит, вы не лучше блевотины когда-то съеденной пищи. Можете мне поверить, я знаю это точно.

«Знал...» – думал я, глядя на свою подругу.

И внезапно меня осенило. Ее никто не хоронил. Ее сожгли, кремировали, она не уходила в вечно голодную земную пасть.

На этой мысли она резко встала с сиденья.

– Мне, пожалуй, пора. Можно, я тебя обниму?

Я тоже поднялся. Ее объятия были теплыми, живыми, я чувствовал нежный запах ее духов.

– Не грусти, – она отстранилась и внимательно посмотрела мне в глаза, – у нее все хорошо. Можешь быть в этом уверен.

Железные двери захлопнулись за ней, но она не растаяла миражом в горячем воздухе, обернувшись, она улыбнулась мне и помахала на прощание рукой. И я видел ее, пока трамвай не свернул за угол.

Через несколько остановок вышел и я, раздумывая над последней странной фразой моей подруги. О ком были ее слова?

Хотелось курить, но сигарет не было, я выгреб все содержимое карманов, прикидывая, хватит ли на пачку. Среди смятых бумажек и горсти монет на моей ладони лежала фаланга маленького Машиного указательного пальца. Вчера я случайно смахнул ее кистью, собираясь позже положить на место, сунул в карман, а потом попросту про нее забыл.

Такое случается. У археологов в карманах со временем скапливается великое множество непонятных вещей.